Ганс Христиан Андерсен

Тень

Вот уж где печет солнце — так это в жарких странах! Люди загорают там до того, что кожа их становится цвета красного дерева, а в самых жарких — черная, как у негров.
Но пока речь пойдет только о жарких странах: сюда приехал из холодных один ученый. Он было думал и тут бегать по городу, как у себя дома, да скоро отвык и, как все благоразумные люди, стал сидеть весь день дома с закрытыми ставнями и дверьми. Можно было подумать, что весь дом спит или никого нет дома. Узкая улица, застроенная высокими домами, располагалась так, что жарилась на солнце с утра до вечера, и просто сил не было выносить эту жару! Ученому, приехавшему из холодных стран, — он был человек умный и молодой еще, — казалось, будто он сидит в раскаленной печи. Жара сильно сказывалась на его здоровье. Он исхудал, и даже тень его как-то вся съежилась и стала куда меньше, чем была на родине: жара сказывалась и на ней. Оба они — и ученый и тень — оживали только с наступлением вечера.
И, право, любо было посмотреть на них! Как только в комнату вносили свечу, тень растягивалась во всю стену, захватывала даже часть потолка — ей ведь надо было потянуться хорошенько, чтобы вновь набраться сил.
Ученый выходил на балкон и тоже потягивался и, как только в ясном вечернем небе зажигались звезды, чувствовал, что вновь возрождается к жизни. На все другие балконы — а в жарких странах перед каждым окном балкон — тоже выходили люди: ведь свежий воздух необходим даже тем, кому нипочем быть цвета красного дерева!
Оживление царило и внизу — на улице, и наверху — на балконах. Башмачники, портные и прочий рабочий люд — все высыпали на улицу, выносили на тротуары столы и стулья и зажигали свечи. Их были сотни, этих свечей, а люди — кто пел, кто разговаривал, кто просто гулял. По мостовой катили экипажи, семенили ослы. Динь-динь-динь! — звякали они бубенцами. Тут проходила с пением похоронная процессия, там уличные мальчишки взрывали на мостовой хлопушки, звонили колокола.
Да, оживление царило повсюду. Тихо было в одном только доме, стоявшем как раз напротив того, где жил ученый. И все же дом этот не пустовал: на балконе, на самом солнцепеке стояли цветы, без поливки они не могли бы цвести так пышно, кто-нибудь да поливал их! Стало быть, в доме кто-то жил. Дверь на балкон отворяли по вечерам, но в самих комнатах было всегда темно, по крайней мере в той, что выходила окнами на улицу. А где-то в глубине дома звучала музыка. Ученому слышалось в ней дивно прекрасное, но, может статься, ему только так казалось: по его мнению, здесь, в жарких странах, все было прекрасно; одна беда — солнце! Хозяин дома, где поселился ученый, тоже не знал, кто живет в доме напротив: там никогда не показывалось ни души, а что до музыки, то он находил ее страшно скучной.
— Словно кто сидит и долбит одну и ту же пьесу, и ничего-то у него не получается, а он все долбит: дескать, добьюсь своего, и по-прежнему ничего не получается, сколько б ни играл.
Как-то ночью ученый проснулся; дверь на балкон стояла настежь, ветер шевелил портьеры, и ему показалось, что балкон дома напротив озарен каким-то удивительным сиянием; цветы пламенели самыми чудесными красками, а между цветами стояла стройная прелестная девушка и, казалось, тоже светилась. Все это так ослепило его, что ученый еще шире раскрыл глаза и тут только окончательно проснулся. Он вскочил, тихонько подошел к двери и стал за портьерой, но девушка исчезла, исчез свет и блеск, и цветы не пламенели больше, а просто стояли прекрасные, как всегда. Дверь на балкон была приотворена, и из глубины дома слышались нежные, чарующие звуки музыки, которые хоть кого могли унести в мир сладких грез.
Все это было похоже на колдовство. Кто же там жил? Где, собственно, был вход в дом? Весь

нижний этаж был занят магазинами — не могли же жильцы постоянно входить через них!
Однажды вечером ученый сидел на своем балконе. В комнате позади него горела свеча, и вполне естественно, тень его падала на стену дома напротив. Больше того, она даже расположилась между цветами на балконе, и стоило ученому шевельнуться, шевелилась и тень — такое уж у нее свойство.
— Право, моя тень — единственное живое существо в том доме, — сказал ученый. — Ишь как ловко устроилась между цветами. А дверь-то ведь приотворена. Вот бы тени догадаться войти в дом, все высмотреть, а потом вернуться и рассказать мне, что она там видела. Да, ты сослужила бы мне хорошую службу, — как бы в шутку сказал ученый. — Будь добра, войди туда! Ну, идешь?
И он кивнул тени, а тень ответила ему кивком.
— Ну ступай, смотри только не пропади там!
С этими словами ученый встал, и тень его на балконе напротив — тоже. Ученый повернулся — повернулась и тень, и если бы кто-нибудь внимательно наблюдал за ними в эту минуту, то увидел бы, как тень скользнула в полуотворенную балконную дверь дома напротив как раз в то мгновение, когда ученый ушел с балкона в комнату и опустил за собой портьеру.
Наутро ученый вышел в кондитерскую попить кофе и почитать газеты.
— Что такое? — сказал он, выйдя на солнце. — У меня нет тени! Стало быть, она и вправду ушла вчера вечером и не вернулась. Вот досада-то!
Ему стало неприятно, не столько потому, что тень ушла, сколько потому, что он вспомнил историю о человеке без тени, известную всем и каждому у него на родине, в холодных странах. Вернись он теперь домой и расскажи, что с ним приключилось, все сказали бы, что он пустился в подражательство, а ему это было без нужды. Вот почему он решил даже не заикаться о происшествии с тенью и умно сделал.
Вечером он опять вышел на балкон и поставил свечу прямо позади себя, зная, что тень всегда старается загородиться от света хозяином. Но выманить свою тень таким образом ему не удалось. Уж он и садился, и выпрямлялся — тени не было, тень не являлась. Он хмыкнул — да что толку? Досадно было, но в жарких странах все растет необычайно быстро, и вот через неделю ученый, выйдя на солнце, к своему величайшему удовольствию, заметил, что от его ног начала расти новая тень — должно быть, корешки-то старой остались. Через три недели у него уже была сносная тень, а за время обратного путешествия ученого на родину она подросла еще и под конец стала такой большой и длинной, что хоть убавляй.
Итак, ученый вернулся домой и стал писать книги об истине, добре и красоте. Шли дни, шли годы... Так прошло много лет.
И вот сидит он однажды вечером у себя дома, как вдруг послышался тихий стук в дверь.
— Войдите! — сказал он, но никто не вошел. Тогда он отворил дверь сам и увидел перед собой необыкновенно тощего человека, так что ему даже как-то чудно стало. Впрочем, одет тот был очень элегантно, по-господски.
— С кем имею честь говорить? — спрашивает ученый.
— Я так и думал, что вы не узнаете меня, — сказал элегантный господин. — Я обрел телесность, обзавелся плотью и платьем. Вы, конечно, и не предполагали встретить меня когда-нибудь таким благоденствующим. Неужели вы все еще не узнаете свою бывшую тень? Да, пожалуй, вы думали, что я уже больше не вернусь. Мне очень повезло с тех пор, как я расстался с вами. Я во всех отношениях завоевал себе прочное положение в свете и могу откупиться от службы, когда пожелаю!
При этих словах он забренчал множеством дорогих брелоков, висевших на цепочке для часов, а потом начал играть толстой золотой цепью, которую носил на шее. Пальцы его так и сверкали

бриллиантовыми перстнями! Драгоценности были настоящие, не поддельные.
— Я просто не могу прийти в себя от удивления! — сказал ученый. — Что все это означает?
— Да, явление не совсем обыкновенное, это правда, — сказала тень. — Но ведь и вы сами не относитесь к числу людей обыкновенных, а я, как вы знаете, с детства ходил по вашим стопам. Как только вы нашли, что я достаточно созрел, чтобы зажить самостоятельно, я и пошел своею дорогой, добился, как видите, полного благосостояния; да вот взгрустнулось что-то по вас, захотелось повидаться с вами, пока вы еще не умерли — должны же вы когда-нибудь умереть! — и, кстати, взглянуть еще разок на здешние края. Любовь к родине, понимаете ли, никогда нас не покидает. Я знаю, что у вас теперь новая тень. Скажите, не должен ли я что-нибудь ей или вам? Только скажите слово — и я заплачу.
— Так неужели это в самом деле ты? — воскликнул ученый. — Это в высшей степени замечательно! Вот уж никогда бы не поверил, что моя бывшая тень вернется ко мне, да еще человеком!
— Скажите же, не должен ли я вам? — вновь спросила тень. — Мне не хотелось бы быть у кого-нибудь в долгу!
— Что за разговор! — сказал ученый. — Какой там долг! Ты вполне свободен! Я ужасно рад, что ты счастлив! Садись же, старина, и расскажи мне, как все это вышло и что ты увидел в доме напротив?
— Извольте, — сказала тень, усаживаясь. — Но обещайте мне не говорить никому здесь, в городе, где бы вы меня ни встретили, что я был когда-то вашей тенью. Я собираюсь жениться! Я в состоянии содержать семью, и даже неплохо!..
— Будь спокоен! — сказал ученый. — Никто не будет знать, кто ты, собственно, есть! Вот моя рука! Даю тебе слово! А ведь слово — человек...
— Слово — тень! — вставила тень, ведь иначе она и не могла сказать.
А ученому оставалось только удивляться, как много в ней было человеческого, начиная с самого платья: черная пара из тонкого сукна, лакированные ботинки, цилиндр, который мог складываться, так что оставались только донышко да поля; о брелоках, золотой цепи на шее и бриллиантовых перстнях мы уже говорили. Да, тень была одета превосходно, и это-то, собственно, и придавало ей вид настоящего человека.
— Ну, теперь к рассказу! — сказала тень и придавила ногами в лакированных ботинках руку новой тени ученого, которая, словно пудель, лежала у его ног. Зачем она это сделала, то ли из высокомерия, то ли в надежде прилепить ее к своим ногам, — неизвестно. А тень, лежавшая на полу, даже не шевельнулась, вся превратившись в слух. Должно быть, ей очень хотелось знать, как это можно добиться свободы и стать хозяином самому себе.
— Знаете, кто жил в доме напротив? — начала бывшая тень. — Нечто прекраснейшее в мире — сама Поэзия! Я провел там три недели, а это все равно что прожить на свете три тысячи лет и прочесть все, что сочинено и написано поэтами, уверяю вас! Я видел все и знаю все!
— Поэзия! — воскликнул ученый. — Да, да! Она часто живет отшельницей в больших городах. Поэзия! Я видел ее лишь мельком, да и то впросонках! Она стояла на балконе и сияла, как северное сияние. Рассказывай же, рассказывай! Ты был на балконе, проскользнул в дверь и...
— И оказался в передней! — подхватила тень. — Вы ведь всегда сидели и смотрели только на переднюю. Она не была освещена, в ней царил полумрак, но в отворенную дверь виднелась целая анфилада освещенных покоев. Этот свет начисто уничтожил бы меня, если б я сейчас же вошел к деве, но я проявил благоразумие и выждал время. Так и следует всегда поступать!
— И что же ты там увидел? — спросил ученый.
— Я видел все и расскажу вам обо всем, вот только... Видите ли, не из гордости, а... ввиду той

свободы и знаний, которыми я располагаю, не говоря уже о моем исключительном финансовом и общественном положении... я очень бы желал, чтобы вы обращались ко мне на "вы".
— Прошу прощения! — сказал ученый. — Старая привычка, не так легко избавиться... Вы совершенно правы! Постараюсь следить за собой... Так расскажите же, что вы там видели?
— Все! — отвечала тень. — Я видел все и знаю все!
— На что же были похожи эти внутренние покои? — спросил ученый. — Свежий зеленый лес? Святой храм? Или вашему взору открылось звездное небо, каким его можно видеть только с горных высей?
— Там было все! — сказала тень. — Правда, я не входил в самые покои, а все время оставался в передней, в полумраке, там мне было отлично, и я видел все и знаю все! Ведь я был в передней при дворе Поэзии.
— Но что же вы там видели? Величавые шествия древних богов? Борьбу героев седой старины? Игры милых детей?
— Говорю же вам, я был там и, следовательно, видел все, что только можно было видеть! Явись вы туда, вы бы не сделались человеком, а я сделался! И вместе с тем я познал там мою внутреннюю сущность, все, что есть во мне прирожденного, мое кровное сродство с Поэзией. Да, в те времена, когда я был при вас, я ни о чем таком и не помышлял. Но припомните только, как я всегда удивительно вырастал на восходе и при закате солнца. А при лунном свете я был чуть ли не заметнее вас самих! Но тогда я еще не понимал своей натуры, меня осенило только в передней Поэзии. Там я стал человеком, вполне созрел. Но вас уже не было в жарких странах. А между тем, в качестве человека, я уже стеснялся показываться в своем прежнем виде. Мне нужны были обувь, платье, весь тот внешний человеческий лоск, по которому признают вас за человека. И вот я нашел себе убежище... да, вам я могу в этом признаться, вы ведь не напечатаете этого в книге... я нашел себе убежище у торговки сластями. Она и не подозревала, что она скрывает! Выходил я только по вечерам, бегал при лунном свете по улицам, растягивался во всю длину на стенах — это так приятно щекочет спину! Я взбегал вверх по стенам, сбегал вниз, заглядывал в окна самых верхних этажей, в залы и на чердаки, заглядывал туда, куда не мог заглянуть никто, видел то, чего не видел никто другой, да и не должен видеть! Как, в сущности, низок свет! Право, я даже не хотел бы быть человеком, если бы только не было раз навсегда принято считать это чем-то особенным! Я подмечал самые невероятные вещи у женщин, у мужчин, у родителей и даже у их милых бесподобных деток. Я видел то, чего никто не должен знать, но что всем так хочется знать — тайные пороки и грехи людские. Издавай я газету, вот бы ее читали! Но я писал непосредственно заинтересованным лицам и нагонял на них страх во всех городах, где мне приходилось бывать. Меня так боялись и так любили! Профессора признавали меня коллегой, портные одевали — платья теперь у меня вдоволь, — монетчики чеканили для меня монету, а женщины восхищались моей красотой! И вот я стал тем, что я есть. А теперь я распрощаюсь с вами; вот моя карточка. Живу я на солнечной стороне и в дождливую погоду всегда дома!
С этими словами тень ушла.
— Как это все-таки странно! — сказал ученый.
Шли дни и годы, и вот тень опять явилась к нему.
— Ну, как дела? — спросила она.
— Увы! — отвечал ученый. — Я пишу об истине, добре и красоте, а никому до этого и дела нет. Я просто в отчаянии, меня это так огорчает!
— А меня нет! — сказала тень. — Я все толстею, и именно к этому надо стремиться. Да, не умеете вы жить на свете. Еще заболеете, пожалуй. Вам надо путешествовать. Я как раз собираюсь летом в небольшое путешествие, поедете со мной? Мне нужен компаньон, так не поедете ли вы в качестве

моей тени? Право, ваше общество доставило бы мне большое удовольствие. Все издержки беру на себя!
— Ну, это уж слишком! — сказал ученый.
— Да ведь как взглянуть на дело! — сказала тень. — Поездка принесла бы вам большую пользу! Стоит вам согласиться быть моей тенью — и вы поедете на всем готовом.
— Вы сумасшедший! — сказал ученый.
— Но ведь таков мир, — сказала тень. — Таким он и останется!
И тень ушла.
А ученому приходилось круто, его снедали печаль и забота. Он писал об истине, добре и красоте, а люди в этом нисколько не разбирались. Наконец он совсем расхворался.
— Вы неузнаваемы, вы стали просто тенью! — говорили ученому люди, и он весь дрожал от мысли, мелькавшей у него при этих словах.
— Вам следует побывать на водах! — сказала тень, опять заглянув к нему. — Ничего другого не остается! Я готов взять вас с собой ради старого знакомства. Я беру на себя все издержки по путешествию, а вы будете описывать поездку и развлекать меня в дороге. Я собираюсь на воды: у меня что-то не отрастает борода, а это своего рода болезнь — борода нужна! Ну, будьте благоразумны, принимайте мое предложение. Ведь мы же поедем как товарищи.
И они поехали. Тень стала хозяином, хозяин — тенью. Они были неразлучны: и ехали, и беседовали, и ходили всегда вместе, то бок о бок, то тень впереди ученого, то позади, смотря по положению солнца. Но тень отлично умела держаться хозяином, и ученый как-то не замечал этого. Он вообще был добродушный, славный, сердечный человек, и вот раз возьми да и скажи тени:
— Мы ведь теперь товарищи, да и выросли вместе, не выпить ли нам на брудершафт? Это будет по-приятельски!
— В ваших словах много искреннего доброжелательства, — сказала тень-господин. — И я тоже хочу быть с вами откровенным. Вы человек ученый и, вероятно, знаете, какими странностями отличается натура человеческая. Некоторым, например, неприятно дотрагиваться до серой бумаги, у других мороз по коже подирает, если при них провести гвоздем по стеклу. Вот такое же ощущение овладевает и мною, когда вы говорите мне "ты". Это меня угнетает, я чувствую себя как бы низведенным до прежнего моего положения. Вы понимаете, это просто ощущение, тут нет гордости. Я не могу позволить вам говорить мне "ты", но сам охотно буду говорить с вами на "ты". Таким образом, ваше желание будет исполнено хотя бы наполовину.
И вот тень стала говорить своему бывшему хозяину "ты".
"Это, однако, никуда не годится, — подумал ученый. — Я должен обращаться к нему на "вы", а он мне "тыкает".
Но делать было нечего.
Наконец они прибыли на воды. Наехало много иностранцев. В числе их была и одна красавица принцесса — ее болезнь состояла в том, что у нее было слишком зоркое зрение, а это ведь не шутка, хоть кого испугает.
Она сразу заметила, что вновь прибывший иностранец совсем непохож на остальных.
— Хоть и говорят, что он приехал сюда ради того, чтобы отрастить себе бороду, но меня-то не проведешь. Я вижу, что он просто-напросто не может отбрасывать тени.
Любопытство не давало ей покоя, и она недолго думая подошла к незнакомцу на прогулке и завязала с ним беседу. Как принцесса, она, не церемонясь, сказала ему:
— Ваша болезнь заключается в том, что вы не можете отбрасывать тени!
— А ваше королевское высочество, должно быть, уже близки к выздоровлению! — сказала тень. — Я знаю, что вы страдали слишком зорким зрением, а теперь, как видно, исцелились от недуга! У

меня как раз весьма необыкновенная тень. Или вы не заметили особу, которая постоянно следует за мной? У всех других людей тени обыкновенные, но я вообще враг всего обыкновенного, и как другие одевают своих слуг в ливреи из более тонкого сукна, чем носят сами, так я нарядил свою тень настоящим человеком и, как видите, даже и к ней приставил тень. Все это обходится мне, конечно, недешево, но уж я в таких случаях за расходами не стою!

"Вот как! — подумала принцесса. — Так я и в самом деле выздоровела? Да, лучше этих вод нет на свете. Вода в наше время обладает поистине чудодейственной силой. Но с отъездом я повременю — теперь здесь будет еще интереснее. Мне ужасно нравится этот иностранец. Лишь бы борода у него не росла, а то он уедет!"

Вечером был бал, и принцесса танцевала с тенью. Принцесса танцевала легко, но тень еще легче, такого танцора принцесса никогда до этого не встречала. Она сказала ему, из какой страны приехала, и оказалось, что он знает эту страну и даже был там, только она в это время была в отлучке. А он заглядывал в окна повсюду, видел кое-что и потому мог отвечать принцессе на все вопросы и даже делать такие намеки, от которых она приходила в полное изумление и стала считать его умнейшим человеком на свете. Его знания прямо-таки поражали ее, и она прониклась к нему глубочайшим уважением. А протанцевав с ним еще раз, она влюбилась в него, и тень это отлично заметила: принцесса чуть ли не пронизывала ее насквозь своим взглядом. Протанцевав же с тенью третий раз, принцесса готова была признаться ей в любви, но рассудок все же взял верх, когда она подумала о своей стране, государстве и народе, которым ей придется управлять.

"Умен-то он умен, — говорила она себе, — и это прекрасно. Танцует он восхитительно, и это тоже хорошо, но обладает ли он основательными познаниями, вот что важно! Надо его проэкзаменовать".

И она опять завела с ним разговор и стала задавать ему такие трудные вопросы, на которые и сама не смогла бы ответить.

Тень сделала удивленное лицо.

— Так вы не можете ответить мне! — сказала принцесса.

— Все это я изучил еще в детстве! — отвечала тень. — Я думаю, даже тень моя — вон она стоит у дверей! — сумеет вам ответить.

— Ваша тень? — переспросила принцесса. — Это было бы просто поразительно!

— Я, видите ли, не утверждаю, — сказала — тень, — но думаю, что сможет, она ведь столько лет неразлучна со мной и кое-чего от меня понаслышалась. Но, ваше королевское высочество, позвольте мне обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Тень моя очень горда тем, что слывет за человека, и если вы не желаете привести ее в дурное расположение духа, вам следует обращаться с ней как с человеком. Иначе она, пожалуй, не будет в состоянии отвечать как следует.

— Это мне нравится! — ответила принцесса и, подойдя к ученому, стоявшему у дверей, заговорила с ним о солнце, о луне, о внешних и внутренних сторонах и свойствах человеческой натуры.

Ученый отвечал на все ее вопросы хорошо и умно.

"Каким же должен быть человек, если даже тень его так умна! — подумала принцесса. — Сущее благодеяние для народа и государства, если я изберу его в супруги. Да, так и сделаю!"

И они — принцесса и тень — скоро договорились между собой обо всем. Никто, однако, не должен был знать ничего, пока принцесса не вернется к себе на родину.

— Никто, даже моя собственная тень! — настаивала тень, имея на то свои причины.

Наконец они прибыли в страну, которой управляла принцесса, когда бывала дома.

— Послушай, старина! — сказала тут тень ученому. — Теперь я достиг верха счастья и могущества человеческого и хочу сделать кое-что и для тебя! Ты останешься при мне, будешь жить в моем

дворце, разъезжать со мною в королевской карете и получать сто тысяч риксдалеров в год. Но за это позволь называть тебя тенью всем и каждому. Ты не должен и заикаться, что был когда-то человеком! А раз в год, в солнечный день, когда я буду восседать на балконе перед народом, ты должен будешь лежать у моих ног, как и подобает тени. Надо тебе сказать, я женюсь на принцессе. Свадьба сегодня вечером.

— Нет, это уж слишком! — воскликнул ученый. — Я этого не хочу и не сделаю! Это значило бы обманывать всю страну и принцессу! Я скажу все! Скажу, что я человек, а ты только переодетая тень!

— Тебе никто не поверит! — сказала тень. — Ну, будь же благоразумен, не то кликну стражу!

— Я пойду прямо к принцессе! — сказал ученый.

— Ну, я-то попаду к ней прежде тебя! — сказала тень. — А ты отправишься под арест.

Так и вышло: стража повиновалась тому, за кого, как все знали, выходила замуж принцесса.

— Ты весь дрожишь! — сказала принцесса, когда тень вошла к ней. — Что-нибудь случилось? Смотри не захворай до вечера, сегодня ведь наша свадьба.

— Ах, я пережил сейчас ужаснейшую минуту! — сказала тень. — Подумай только... Да много ли, в сущности, нужно мозгам какой-то несчастной тени! Подумай только, моя тень сошла с ума, вообразила себя человеком, а меня называет — подумай только! — своею тенью!

— Какой ужас! — сказала принцесса. — Надеюсь, ее заперли?

— Разумеется, но, боюсь, она уже никогда не придет в себя.

— Бедная тень! — вздохнула принцесса. — Она так несчастна! Было бы сущим благодеянием избавить ее от той частицы жизни, которая в ней еще есть. А подумать хорошенько, то, по-моему, даже необходимо покончить с ней поскорее и без шума!

— Все-таки это жестоко! — сказала тень. — Она была мне верным слугой! — и тень притворно вздохнула.

— У тебя благородная душа! — сказала принцесса.

Вечером весь город был расцвечен огнями иллюминации, гремели пушечные выстрелы, солдаты брали ружья на караул. Вот была свадьба так свадьба! Принцесса с тенью вышли к народу на балкон, и народ еще раз прокричал им "ура".

Ничего этого ученый не слышал — с ним уже покончили.